

НИКОЛАЙ I

«Письма великому князю Александру Николаевичу»

№ 1

С-Петербург. 5-го мая 1837 г.

Получено в Твери 7-го мая 1837 г.*

С сердечным удовольствием получил письмо твое, любезный Саша, из Зайцова, дай Бог, чтоб все твое путешествие было столь же счастливо, как начало оного; из сделанного тебе приема в Новгороде, где, однако, и прежде уже тебя видали, готовясь к тому, что тебя далее ждет, где никого из нас еще не видали, но помни, что я тебе про это сказал и не ослепляйся, а чувствуй и моли Бога, чтоб тебя укрепил и дозволил оправдать сию надежду.

Поблагодари Кавелина за его письмо и скажи ему, что я с особым удовольствием его читал и прошу продолжать столь же мне подробно писать**¹. Жаль мне очень, что нельзя было тебе посетить Новгородский графа Аракчеева корпус, но оно точно благоразумнее. Сегодня был парад отличный во всех частях и погода — рай! Все оружия показались очень хорошо, и даже <Митавский> полк прошел прекрасно. Одним словом, редко видал я столь удачный смотр, и твой Папа очень весел и был бы еще веселей, если б твою милую рожу видал на смотру и потом за обедом, но что тут делать, служба службой, была пора веселья, теперь знай и службу.

* Помечено цесаревичем Александром Николаевичем. Нумерация писем также принадлежит цесаревичу.

** Кавелин Александр Александрович (1793–1850), ген.-ад., воспитатель цесаревича Александра Николаевича. Письма А. А. Кавелина к императору Николаю I о путешествии цесаревича Александра Николаевича с 3 мая по 13 октября 1837 г. (ГАРФ. Ф. 671. Оп.1. Д. 362).

Всем твоим спутникам кланяюсь, Бог с тобой, милый Саша, продолжай класть на него свою надежду и помни мои слова: «думай о будущем»! Целую тебя от всего сердца.

*Твой старый верный друг Папа.
Н.*

№ 2

С-Петербург. 8-го мая 1837 г.

Получено 11-го мая 1837 г.
На дороге из Ярославля близ Ростова

Сегодня утром прибыл фельдъегерь с письмом твоим, любезный Саша, от 6-го мая из Твери. Благодарю Бога, что ты здоров и совершаешь благополучно свою поездку; с радостью и любопытством читал я все подробности твоего пребывания. Меня не удивляет, что тебя хорошо принимают; теперь только что ты въехал в сердце России, тут-то увидишь, до какой степени добр народ и как жива привязанность его к нашей семье.

Мне приятно весьма слышать от Кавелина, что твое поведение согласно с моими желаниями и что ты показываешься таким, как должно будущему Царю Русскому. Не одного, а многих увидишь подобных лицам «Ревизора», но остерегись и не показывай при людях, что смешными тебе кажутся, иной смешон по наружности, но зато хорош по другим важнейшим достоинствам, в этом надо быть крайне осторожным. Сегодня ты следуешь Ярославлем и вспомнишь меня в угловой комнате или на балконе, любопытно знать, как это тебе понравится. Погода у нас другой день стоит холодная, и я не мог произвести полковых смотров, вчера мы прибивали знамена, и мы за тебя вдавили гвозди; завтра будет им освящение в малой церкви; и сборный взвод их примет и отнесет в свое место. Сегодня был я в Первом кадетском корпусе и был весьма доволен ученьем, невзначай сделанным, учились молодцами. Нового, впрочем, ничего нет.

Поблагодари Кавелина за письмо и журнал, и прошу так продолжать. Кланяйся спутникам, надеюсь, что Виельгорский² отделался от простуды. Князю Ливену³ лучше.

Прощай, любезный Дидешка, Бог с тобой. Обнимаю тебя от всего сердца.

Твой старый верный друг.

Н.

№ 3

Царское Село. 14-го мая. 1837 г.

Получено 21-го мая 1837 г.

На дороге из Вятки между Глазовым
и Ижевским заводом

Вчера после обеда получили мы твое письмо, любезный Саша, из Ярославля; благодарю Бога, что доселе все благополучно в вашем путешествии, несмотря на калязинские происшествия. Скажи Кавелину, чтоб через передового фельдъегеря открытым предписанием от моего имени к местным властям строжайше запрещено было выпрягать у тебя лошадей. Всего более опасаюсь подобных сцен, тут до беды не далеко. Хотя ты мне про Ярославль не говоришь, но кажется, это место тебе полюбилось. Сегодня <ищу> тебя в Костроме в Ипатьевском монастыре, где предвижу те же сцены.

Хотя ты уверяешь меня, что от $5 \frac{1}{2}$ часов осмотров ты не утомляешься, однако смотри лишнего не делай, а дели по силам твоим, ибо успеть можешь и не сряду смотреть. Я замучен ученьями, всеми был очень доволен, кроме Финляндских; Литовский очень понравился, а Павловским был отменно доволен*. Теперь дал себе несколько дней отдыха и займусь чтением бумаг. На той неделе буду смотреть кавалергардов и конную гвардию. Погода у нас стоит отличная, сегодня вечером была небольшая гроза и славный дождик, после которого мы с Мама проехали в кабриолете; вечер был отличный и воздух напитан духом от сырых берез, т. е. чудо!

Кавелину мое искреннее спасибо за письмо и журнал. Всем твоим мой поклон. Князю Ливену гораздо лучше; а Бенкендорф благополучно прибыл в Ревель⁴; вот тебе и все наши новости, за которыми в заключение тебе доношу, что тебя от души люблю и сердечно обнимаю.

*Твой верный старый друг.
Н.*

Твой Нептун со мной. Знакомится хорошо и гуляет, и очень мне послужен.

---

* Имеются в виду лейб-гвардии Финляндский, Литовский и Павловский полки.

№ 4

Царское Село. 19-го мая. 1837 г.

Получено 28-го мая 1837 г.
На Кушвинском Благодатском Заводе

Сегодни утром, вставая, нашел я письмо твое, любезный Саша, из Костромы, и благодарю милосердого Бога, что путешествие твое до сих пор идет благополучно, и молю Его, чтоб дал тебе довершить все сходно с нашим желанием и ожиданием. Радуюсь, что ты ознакомился с частью сердца России и увидел всю цену благословенного сего края, увидел и как там любят свою надежду. Какой важный разительный урок для тебя, которого чистая душа умеет ощущать высокие чувства! Не чувствуешь ли ты в себе новую силу подвизаться на то дело, на которое Бог тебя предназначил? Не любишь ли отныне еще сильнее нашу славную, добрую Родину, нашу матушку Россию. Люби ее нежно; люби ее с гордостью, что ей принадлежен и родиной называть смеешь, ею править*, когда Бог сие определит для ее славы, для ее счаствия! Молю Бога всякий день в всяком случае, чтоб сподобил тебя на сие великое дело к пользе, чести и славе России. Благодарю искренно Кавелина за продолжение его писем, желаю, чтоб упоминал мне, как тобой доволен.

Журнал пишется хорошо, но нужно в нем помещать более подробностей об виденном вами, ибо он должен быть общий resume**, или ваш памятник поездки, дабы со временем, в него заглядывая, вспоминать про виденное. Здесь нового ничего у нас нет, погода стоит прекрасная, сегодни учил оба 1-ых бат/альона / Преображенского и Семеновского полков. Первым был очень доволен, вторым не столько. Послезавтра смотреть буду кавалергардов и конную гвардию и едем на несколько дней на Елагин, где праздновать будем именины великой княгини***. Ждем завтра брата ее. Князю Ливену опять похуже. Жаль мне, что Виельгорский все плохо поправляется, лишь бы не хуже было; кланяйся всем твоим спутникам.

* Так в тексте. Очевидно, пропущено слово «будешь».

** Обобщение, резюме (*фр.*).

*** 21 мая праздновали тезоименитство ее императорского высочества великой княгини Елены Павловны, урожденной принцессы Вюртембергской. Елагин остров, расположенный в устье Невы, в 1817 г. был куплен Александром у гофмейстера И. П. Елагина для вдовствующей императрицы Марии Федоровны, архитектором К. И. Росси там был построен дворец.

Бог с тобой, любезный Саша, обнимаю тебя от души. Где-то письмо сие получишь? Полагаю, в Перми.

Прощай, твой старый верный друг пана.

H.

№ 5

Царское Село. 25-го мая 1837 г.

Получено 4-го июня 1837 г.

На дороге между Тобольском и Тюменью

С истинным удовольствием и радостью получил я, любезный Саша, письмо твое из Вятки; душевно радует меня видеть, что ты со дня на день более понимаешь всю важность предпринятого путешествия и, созревая умом, готовишься быть полезным матушке России. Продолжай так, и Бог милосердый благословит и подкрепит тебя в исполнении благих твоих намерений. С любопытством читал твое письмо. К несчастию, сведения о тех глупостях, которые вятское начальство наделало, пришли ко мне слишком поздно, чтоб успеть их остановить вовремя. Но зло не без добра, ибо оно послужило тебе доказательством неоднократно тебе мною сказанного, т. е. сколь у нас трудно избегнуть, чтоб самые благие намерения не были изгажены глупостями исполнителей, ибо дурного намерения я в этом не хочу подозревать. Губернатор Тюфяев слыл прежде исправным и часто за это был награждаем; я не был им доволен, перевел его из Перми в Тверь, где он так же надурачил; его перевели в Вятку, ибо там менее должно было случаться поводов ему ссориться с другими властями. Зато он пустился в другие неслыханные глупости, о которых мне официально донес и <получил>, но поздно, заслуженного дурака. Придется его сменить. Что заведения Приказа не завидны, должно также приписать его небрежению, еще более стыдно, что ты нашел много нищих, ибо для уничтожения сего класса людей существуют строгие и весьма ясные правила. По крайней мере хорошо то, что нашел Капцевича команду в порядке, так и везде <почти> у него: спасибо старику, он на это мастер. Рад, что ты в порядке нашел наших отпускных. Жаль очень бедного Виельгорского, но я также полагаю, что гораздо благоразумнее было отправить его лечиться в Казань, чем рисковать его где-либо в другой глупши оставить.

Здесь у нас нового ничего нет. Намедни учил кавалергардов и конную гвардию, первыми был я отменно доволен, учились

<дистанции> хорошо, вторыми не столько, от невнимания офицеров к дистанциям. Потом Измайловскому и Финляндскому полкам было прекраснейшее линейное ученье вместе, и, наконец, вчера стреляли в цель два батальона/ сводных наугад из одной роты, потом с каждого полка 1-й и 2-й дивизий, в 30 рядов батал<...> огнем в цель: начав с трехсот шагов по 3 патрона на сей дистанции, попало более третьей части пуль! На 200 шагов более третьей же части, а на 150 — более половины! Невероятно хорошо. За сим стреляли застрелщики в узкие мишени, начав с 400 шагов, попало из 74 пуль 14 — и на 150 шагов более 1/2, т. е. прекрасно.

В Константинов день подарил я Косте прекрасную модель, игрушку въезда в крепость, со всеми возможными деталями и даже с <пушками калибрам>*. Авось, он полюбит играть с толком и не дурачясь. В тот день был бал у в/еликой/ княгини, которой брат за несколько дней приехал. В воскресенье был вечер на Елагином, играли и плясали. Бедная Осиповна** захворала, во время ужина с ней сделался столь сильный обморок, что я на руках ее положил на кушетку в прихожей внизу у Мама, и до часу с ней провозились, ей лучше, только Мандель и Маркус не довольны этим припадком и требуют, чтоб серьезно полечилась. Твой Нептун так меня полюбил, что не отходит и даже бегает на ученье. На днях дал он тягу в город и оттуда ко мне на Елагин. Гуляет со мной и ест и сделался преласковый и с Драгуном*** мирен.

Погода у нас после сильной грозы 22 числа, убившей женщину на Васильевском острову, сделалась сыра и холодна, но, кажется, будет опять хороша, ибо барометр высок. Рад, что у тебя опять приятная погода. Ежели Бог даст, будет тепло, то в воскресенье хотим в Петергоф. Благодари за любопытное письмо доброго и поченного Кавелина. Поклонись всем твоим. Смеялся я, читав сцену с Бобчинским, хорош, должен быть, гусь; но спасибо тебе, что <приучился> не показывать смеху при других. Вчера простился с Дургамом, который все мил. За сим прощай, любезный мой Саша; да простит и наставит тебя милосердый Бог. Целую тебя душевно.

*Твой верный старый друг папа.
Н.*

* Очевидно, «пушками по калибрам».

** Имеется в виду фрейлина О. О. Калиновская.

*** Драгун — кличка собаки императора Николая I.

№ 6

Царское Село. 30-го мая 1837 г.

Получено 8-го июня в Златоусте

Не желая тебя оставлять долго без наших известий, мы решились тебе писать сегодня, любезный Саша, хотя с минуты на минуту ждем твоего фельдъегера из Перми. Мама и мы все, слава Богу, здоровы; отъезд наш в Петергоф отложен до вторника, ибо все эти дни были сильные дожди. Несмотря на сие, вчера утром делал я ученье полкам кирасирскому и гусарскому; грязь была непомерная; гусары учились славно, видно, что хозяин дома, кирасиры довольно хороши, но офицеры слабы. Завтра смотр образцовый кавалерийский. Нового ничего нет, кроме приезда графа Воронцова и рождения сына у здешнего Воронцова. Видел я Катенина, который нам рассказал про встречу с тобой. С удовольствием вспоминаю, что ежели Бог благословил твое путешествие, то завтра достигнешь самого дальнего от нас пункта. Странно мне писать к тебе в Сибирь! Как и тебе странно и приятно быть должно, что ты первый из нас в сем отдаленном крае!

Обними Кавелина и всем спутникам твоим от меня поклонись. Бог с тобой, любезный Саша, да хранит тебя и соединит нас. Целую тебя душевно.

*Твой верный старый друг Папа.
Н.*

№ 7

Царское Село. 1-го июня 1837 г.

Получено 16-го июня в Верхне-Уральске

Вчера вечером получили мы твоего фельдъегера из Перми, любезный Саша, и благодарим Бога, что ты здоров и продолжаешь благополучно свое путешествие. С удовольствием вижу, что с любопытством видишь предметы, чувствуешь их пользу для тебя, и начинаешь привыкать об них правильно судить и с этой стороны письма твои мне приятно читать и я более и более замечаю, как уже ныне начинаешь уметь видеть предметы с настоящей точки.

Замечание твое на разницу Вятской губернии с прочими тобой виденными я полагаю справедливым, ибо все сведения, мною по-

лученные, согласно с сим гласят. Но сие столько же приписать должно дурному управлению, сколько и географическому ее положению. Замечания твои на Ижевский завод справедливы, кроме одного — возможности усилить способы оного переводом части тульских оружейников. Когда ты в Туле будешь — удостоверишься, что класс сей искони составлял коренное население города, имеет свою оседлость, свои права и частию весьма зажиточен, частью же бедно*; переводить их невозможно, но усилить способы Ижевского завода рекрутами имеется в виду. Про уничтожение железоделательного завода збираю справки. Об уничтожении излишней роскоши и не сообразного обхождения с будущим назначением кантонистов вновь подтверждено, полагаю, что хотели не трогать существующие предметы, дабы не бросать понапрасну.

Вчера делал я смотр образцовому кавалерийскому полку и во время оного по тревоге собрал весь гарнизон. Учились все славно и, можно сказать, удивительно хорошо, ибо отменно скоро выехали, и хотя с одним офицером на эскадрон, все шло быстро и чисто.

Через несколько часов едем в Петергоф. Завтра <полагаю> после развода ехать в Кронштадт. В конце недели предполагаю смотреть конно-гренадер, улан и, может быть, конную гвардию. На Троицын день положил быть в городе для полкового праздника. Около 12-го числа войска начнут скапливаться к Царскому Селу; предположено для первого дня маневра действовать одним гренадерам и первым бат/альоном / 1-ой гвард/ейской/ дивизии с частью кавалерии и артиллерии в составе Новгородского корпуса; а 2-м полкам 2-й дивизии с Образцовым пехот/ным/ и 2-мя гусарскими — защищать Царское Село и Пулково. На следующий день Новгородскому корпусу атаковать и брать Царское Село, а на третий — маневрировать против Лифляндского корпуса в треугольнике между Царским, Красного Села и Пулкова; Лифляндский корпус <созывается> из третьей дивизии с придачею <...> а кирасиры будут у меня в кармане до востребования. Начальника я еще не решил назначать, дабы менее готовились. Кадеты под командой Пущина, ибо Шлиппенбах все болен, выступят около 20-го числа, по обыкновению, и в том же составе.

Итак, ежели Бог благословил, ты сегодня в столице Сибири! Какая даль! Но какое тебе и на всю жизнь удовольствие, что

---

* Так в тексте. Очевидно, пропущено «живет».

там был, где еще никто из Русских Царей не бывал. Любопытен я знать, что ты там найдешь; не скоро получим мы твои письма; <и разве> около 10-го числа. Бедный Сукин, вероятно, сегодня кончит; слабость его не дозволила ранам заживиться. Лобанов все плох. Зато по крайней мере Бенкendorф, благодаря Богу, гораздо лучше.

Александрия.

Вот мы и в любезном Коттедже*, но без тебя, и это грустно. Здесь нашли мы прибывшего Рауха, к большой радости, обедали и много с ним толковали. Здесь очень много нового. Церковь очень подвинулась, театр почти готов, дом графа Кушелева, тоже с прекрасным садом, вышел один из лучших. В Знаменском прекрасная Греческая зала готова, и точно весьма удачно. Парад отдан еще больше и роют и доканчивают большой пруд; словом, везде работают. Сестры твои будут учиться у тебя на Ферме. Вот и все мои вести. Благодари Кавелина за любопытные его письма и кланяйся всем твоим спутникам. Бог с тобой, любезный Саша, обнимаю тебя душевно.

*Твой старый верный друг пана.
Н.*

№ 8

*Александрия. 9-го июня 1837 г.
Получено 16-го июня 1837 г. в Уральске*

Благодарю тебя, любезный милый Саша, за доброе твое письмо из Екатеринбурга, которое вчера утром получил. С душевной радостью его читал, ибо вижу в нем явно твое доброе чистое сердце. Все твои чувства мне доказывают, что желания мои исполняются и что благословением Божиим предмет твоей поездки будет достигнут. Ты зреешь умом, учишься видеть сам и сравнивать с <слышанным> собственным ответом; учишься этим настояще судить о вещах и делах, и этим же збираешь себе запас драго-

---

* Александрия, коттедж — собственная дача ее величества императрицы Александры Федоровны в Петергофе. (См.: Мир русской императрицы. Каталог выставки. СПб., 1997.)

ценных знаний для будущей службы. Продолжай так, и верно благословит тебя милосердый Бог нам, старикам, в утешение.

Все подробности твоего письма мне были весьма любопытны. Ты прав, находя особую важность в делах раскольников: предмет трудный, требующий особой бдительности и осторожности в принимаемых мерах. Терпеть их своевольства нельзя, но притеснять их, доколь они тихи, столь же несправедливо и неблагоразумно. Их желание снять с них запрещение брать к себе беглых попов бесмысленно; ибо где и в каком крае на свете допустить можно, чтоб явно и с разрешения правительства кто-либо покидал произвольно свою должность и нагло поступал в должность мнимую к людям, не терпящим над собой никакой власти? Никто им не запрещает избирать или приглашать к себе священников, но не беглых. Вот в чем они виновны. Но согласен я полагать, что одним сим воспрепятствованием не ограничиваются земские власти; но, пользуясь поводом, весьма вероятно, приобщают другие произвольные насильственные меры, вовсе даже противные воле высшего начальства. К несчастью, сему причиной искать должно общую нищету нашу в хороших и благомысленных исполнителях. Все поданные тебе о сем просьбы, равно и 2 записки, из коих одна весьма основательна, рассмотрены будут в секретном комитете о раскольниках*, и надеюсь, что некоторому помочь можно будет.

Побеги и разбои от ссыльных, к несчастию, довольно часты и входят тоже в разряд вещей, довольно трудных к <изменению>, ибо куда девать сей класс людей? В войска и то поступает много слишком людей за поступки, вредных дурным примером для рекрут и опасных с оружием. Остаются одни арестантские роты; военные все полны, гражданские по губернским городам формируются местами и не без пользы, но сие сопряжено с затруднениями, ибо нужны помещения и казармы. Зато приятно знать, что отставные солдаты свой долг не забыли. Сегодня утром прибыл п/ринц/ Ольденбургский с женой, но по своим правилам изволил прямо проследовать в город, и я его не видел. Завтра оба сюда будут. После последнего моего письма было у нас здесь весьма удачное пешее ученье конно-grenадер. Потом смотр прибывшим Гвардейскому и Гренадерскому стрелковым бат/альонам/. Первый

* Секретный (межведомственный) комитет по делам раскола 1820–1858 гг. Архивный фонд комитета (№ 1473) хранится в Российском Государственном историческом архиве.

в блестящем, второй в весьма хорошем положении. Потом конное ученье конно-гренадер и улан вместе, весьма хорошее. В городе вчера показывал я Преображенский и Егерский полки в ученье с паро~~лем~~ прибывшему прусскому генералу Квиту; отличное учение, потом его же возил в 1-ый корпус и, все показав, учил бат/альон/ славно. Завтра збираюсь с п/ринцем/ Фридериком в Кронштадт. Вот тебе и все наши новости.

Из-за границы, как кажется, Дон Карлос имеет успехи*; король английский при смерти, и все тут. В Вознесенск будет эрц-герцог Иоанн и турецкий посол Фушад-паша, по времени подберутся, вероятно, и еще кой-какие фигуры.

Со вчерашнего числа погода у нас опять славная, но еще не л/ейб/-г/вардии/ петергофская.

Скажи А. А.**, что он хорошо сделал, что по совету Енохина кормит вас среди дня; в жары хорошо бы и останавливаться, дабы проезжать в прохладе. Скажи А. А., что я его искренно благодарю за письма и счастлив, что тобой может быть совершенно доволен. Журнал хоть трудновато молодежи писать, но им оно здорово, ибо приучает к трудам и службе и очень пригодится вперед.

Всем твоим спутникам мой искренний поклон, а Енохину пропой с нами «Господи, люди Твоя». Слава Богу, Бенкендорфу так хорошо, что и доктор его ко мне сегодня прибыл с известием, что ему он больше не нужен.

Прощай, милый Саша. Бог с тобой, продолжай меня утешать.

*Твой верный старый друг пана.
Н.*

№ 9

*Царское Село. 14 июня 1837 г.
Получено 20-го июня 1837 г. в Лаптеве*

Милый любезный Саша, третьего дни, к большой нашей радости, получили мы, наконец, письма твои из Тобольска; первое

* Речь идет о борьбе за власть в Испании между сторонниками правительства и сторонниками младшего брата короля Фердинанда VII — Дона Карлоса. 24 мая 1837 г. Дон Карлос перешел через р. Эбро и угрожал Мадриду, но уже 15 сентября он отступил на французскую территорию.

** А. А. Кавелин.

мое движение было благодарить Бога, что дозволил тебе достичь отдаленнейшей точки твоего путешествия благополучно. С особым удовольствием читал я письмо твое: меня душевно радует, что вижу, с каким удовольствием обращаешь ты внимание на все предметы и начинаешь правильно о них судить. Прием, тебе сделанный в Сибири, останется тебе навсегда приятной памятью и сделает, несомненно, глубокое и хорошее впечатление на весь край. Замечания твои, к несчастию, весьма справедливы, но помочь многому ежели не вовсе невозможно, то, по крайней мере, крайне трудно; ты в сем сам удостоверишься. Пишу тебе в самом пылу маневренных занятий и насилия нашел на то минуту, ибо встал сегодня в 2 часа утра, а должен в 4 встать и завтра. Но зато я отлично всем доволен. Ланской, командовавший Новгородским авангардом, примерно хорошо действовал против Сумарокова. Завтра все кончиться должно в Красном Селе. Были все жары и вдруг, как нарочно, сегодня только 6 градусов. Поблагодари искренно почтенного Кавелина за письмо его, которое с удовольствием читал, производства и прошения и все разрешил. Журнал ныне пишет прекрасно и довольно подробно, он будет вам крайне приятен и любопытным источником воспоминаний. Всем спутникам мой поклон.

Прощай, милый Саша, да хранит тебя Бог, обнимаю тебя от души.

*Твой верный старый друг папа.
H.*

№ 10

Александрия. 18-го июня 1837 г.

Получено 23-го июня
на второй станции от Казани по дороге в Симбирск

Вчера во время вечернего здесь собрания получили мы письма твои, любезный Саша, из Златоуста; и с новым удовольствием читал их. Дай Бог, чтоб продолжал всегда чувствовать столь же сильно и глубоко цель своего назначения и продолжал бы извлекать всю возможную пользу из любопытного своего путешествия.

С удовольствием я согласился на твоё желание облегчить участь виденных тобой преступников в Кунгуре и других. Всегда

рад, чтоб милости могли чрез твоё ходатайство от меня исходить, когда сие возможно учинить без опасности и без несправедливости к другим. Край, тобой описываемый, должен точно быть прелестен, и что за богатство! Способ, изобретенный П. Аносовым, мне был известен и весьма замечателен, даже ежели по недостатку топлива или кислоты невозможна будет принять его к введению в большем виде, все честь делает ему как изобретателю столь важного явления. Ежели пробы введения кирас столь выгодны, как ты их описываешь, то, наконец, получим мы кирасы как следует, а не кастрюли; сий новый род работ там будет полезен, ибо <белого> оружия выделяется более потребности. Сегодня ты уже выехал, как полагаю, из областей, управляемых Перовским, и несколько еще с нами сближаешься. Третьего дни кончились наши маневры благополучно. Ланской отлично хорошо исполнил свою задачу, равно и Арбузов, и Сумароков весьма порядочно, Кнорринг слабее. Войсками был очень доволен, и все шло прекрасно. Теперь отдыхаю до завтра; ибо завтра вечером выступают кадеты, а сюда будут в воскресенье вечером. Погода с первой ночи маневров перешла с тепла на чувствительный холод и на ежедневные грозы; вчера вечером был столь сильный шквал, что чуть не опрокинул кадетских фрегатов, которые спаслись только тем, что бросили якорь. Наш адмирал в море, и полагаю, и его порядком покачало*. Король Английский умер** и королевой — la Prin/cess/ Victoria, а Ганноверским королем герцог Кумберландский. Французские газеты полными колоннами описывают праздники свадьбы Орлеанского. На одном были беды от давки. Впрочем, нового ничего нет. Князь Ливен <пока> с нами, но все сырь не проходит.

Благодари почтенного А. А. и Жуковского за письма и скажи им, что <предугадали> мои мысли. Всем спутникам мой поклон.

Бог с тобой, милый любезный Саша, не забывай старого верного друга папа.

H.

---

* 15 июня 1837 г. второй сын императора Николая I великий князь Константин Николаевич — будущий генерал-адмирал русского флота отправился в учебное плавание на фрегате «Аврора» (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 74-А. Л. 39 об: Дневник великого князя Константина Николаевича).

** Вильгельм IV.

№ 11

Александрия. 24-го июня 1837 г.

Получено 29-го июня 1837 г.

на ст/анции / Чунаки, между Саратовым и Пензой

Благодарю тебя искренно, любезный Саша, за доброе твое письмо из Оренбурга, которое вчера вечером получил. Благодарю Бога, что твоя поездка продолжает быть успешной и что ты с пользою видишь любопытный этот край. Искренно же благодарю тебя за все твои добрые чувства ко мне по случаю дня моего рождения. Знай же, что лучший для меня подарок есть ты сам; тогда, когда имею случай и причину тебе сказать, что и тобой доволен. Все, что ко мне доходит про тебя, дает мне право с радостью тебе сказать, да, я тобой доволен. В мои лета начинаешь другими глазами смотреть на свет, и утешение свое находишь в детях, когда они отвечают родительским справедливым надеждам. Этим счастьем, одним, величайшим, истинным, наградил нас досель милосердый Бог, в наших милых детях. На тебя же взираю я еще иными глазами, может быть, еще с важнейшей точки; я стараюсь в тебе найти себе залог будущего счастья нашей любимой матушки России, той, для которой дышу, которой вас всех посвятил еще до вашего рождения, за которую ты также отвечать будешь Богу! Когда вижу, что надежды мои обещают быть не тщетными, что ты чувствуешь, что я хочу, чтоб ты чувствовал, что ты, час от часу более узнавая край, более и более его любишь и чувствуешь всю огромность будущей твоей ответственности, — тогда я счастлив. Спасибо тебе.

С удовольствием читал я описание всего тобой виденного, и, кажется, наш старый Перувинский* умел тебя потешить. Башкиры добрый народ, но я полагаю, что полезнее со <временем> обратить его в хлебопашцы, ибо пользы военной от него нет, зло же может когда-нибудь от них произойти. Вообще дикий вооруженный народ иметь за собой не удобно. Погода у нас сделалась ужасная, холод и дожди не перестают. Несмотря на то, вчера в Красном Селе в 5-м часу утра делал я тревогу и был всем отлично доволен, и тем более, что не было ни одного даже бат/альонного/ учения, все шло славно. Князю Ливену хотя лучше, но ему необходимо ехать к водам за границу, и он едет на будущей неделе. Благодарю почтенного А. А. за любопытное письмо и кланяюсь всем твоим.

* Имеется в виду Перовский.

У Перовского с удовольствием крестить согласен. Сегодни открывается <театр>, а ход завтрашнего дня предположенный, обычный. Каскадели были все без воды от переделки канала, но второй день <...>. Прощай, милый Саша, Бог с тобой.

*Твой навечно старый друг пана.
Н.*

Жена мне вручила твои подарки, милый Саша, за которые искренно благодарю; завтра явлюсь с твоим палашом.

№ 12

Лагерь при Красном Селе. 28-го июня 1837 г.

Получено 2-го июля 1837 г.
между Пензой и Тамбовом, недалеко от Моршанска

Вчера после обеда прибыл фельдъегерь с твоими письмами из Казани, и мы благодарим Бога, что ты завершил важную часть своей поездки благополучно. Все, что ты пишешь про Уральское войско, любезный Саша, совершенно справедливо; строгость с ними нужна, но и крайняя осторожность, дабы не возбудить в них справедливых жалоб и неудовольствий*. Поданое тебе прошение тем дерзко, что не подписано; безымянный же донос не принимается, и потому Перовский должен доискаться, кто его послал. Я вперед уверен, что Казань тебе понравится и красотой места, и устройством. Не то ты найдешь в Симбирске.

Сегодни было у нас вечером практическое артиллерийское ученье. Действовали шрапнелями и э<...>рическими фанатами; первых действия ужасны, вторые — порядочно. Идет об них спор; Сумароков и его офицеры стоят за них, прочие все против. Присутствуя на опытах, мне кажется, что для дальних дистанций

---

* Уральское казачье войско (до 1775 г. Яицкое войско) с начала XIX в. подчинялось оренбургскому губернатору, впоследствии Военному министерству. Реформа 1803 г. дала казакам строгое военное устройство — введен мундир, служба по найму отменена, установлена очередная служба; но с 1806 г. вновь введена служба «по найму». В 1835 г. общее положение о казачьих войсках было распространено и на уральских казаков, в соответствии с которым звание войскового атамана всех казачьих войск было предоставлено наследнику престола, управление казаками — наказному атаману.

они очень могут быть хороши, как усовершенствуются, более чем <хороши>.

Скажи Жуковскому, что я вполне согласен на поездку его в Белев, как он о том просил. Жаль мне бедного Виельгорского; эдак было лучше ему совсем не ездить.

Благодари почтенного А. А. за письмо. Журналом Саши Адлерберга я очень доволен. Всем твоим спутникам мой поклон.

Прощай, милый Саша, Бог с тобой. Более мне некогда писать.

Твой навеки старый друг папа.

Н.

№ 13

Александрия. 2-го июля 1837 г.

Получено 6-го июля 1837 г. в Воронеже

Не было мне никакой возможности ранее отвечать тебе, милый Саша, на последнее твое письмо из Симбирска. Душевно благодарю Бога, что дозволил тебе благополучно далее продолжать свое путешествие, и молю Его дать тебе и остаток оного столь же удачно довершить. Приятно мне было знать, что ты доволен был пребыванием своим в Казани и Симбирске, первый город точно прекрасный. Вчера исполнил я поручение твое и вручил доброй мама твой подарок, который украшает один из каминов гостиной. К сожалению, погода до того нам не благоприятствовала, что заставила отказать иллюминации; почти весь день были грозы и проливные дожди. Развод один удался, и то после дождя. Маскарад был очень ладен и заключил с обычным ужином весь праздник. Зато сегодня прекрасная погода, и народу очень много. Был кадетский развод и Костя* стоял на часах по обыкновению; в час их сменил Гвар/дейский/ гарнизон/ный/ бат/альон/. Потом простился я с князем Ливеном, который воротится только к весне; потом и с Веймарном, который едет к тебе. Затем было гуляние в экипажах с дипломатами и приезжими гостями по саду и в Александрии, где много было народа; даже теперь везде полно. Вечером в городе спектакль, а у нас бал в большом дворце, потом ужин и гулянье для иллюминации, народ все более и более набирается, и вечер

* Вел. кн. Константин Николаевич.

прекрасный. Завтра все разъезжаются, а для остальных — бал в Знаменском*, в воскресенье спектакль, а утром смотр казачьего ремонта. В понедельник кадетский обед, во вторник должен ехать в Кронштадт, а в среду смотр флота. Потом шабаш до субботы вечера, в который предполагаем перебраться в Красное Село и оставаться на окончание частных учений. Потом начнутся маневры в стороне Гастинец; а там збираться должно будет в поход. Теперь ты к нам збираешься на время и скоро увидишься с Мама; с радостью жду, когда и мне с довольным сердцем достанется тебя обнять.

Кланяйся Кавелину и всем твоим спутникам. На днях мы ждем Михаила Павловича, который за смертию короля не поехал в Англию и на «Геркулес» сюда едет. Орлов поехал поздравить королеву. Вот тебе и все наши новости.

Бог с тобой, милый Саша; не забывай старого друга папа.

H.

№ 14

Александрия. 5-го июля 1837 г.

Получено 8-го июля 1837 г. на дороге
между Воронежем и Тулой близ стан/ции/ Никитской

Сегодня обрадованы мы были получением писем твоих из Пензы, милый Саша, а вчера утром получили писанные из Саратова. Благодарю тебя искренно за добрые твои чувства ко мне и к доброй твоей Мама; да сохранит ее Бог на долгие лета мне в утешение и вам всем на счастье. Все, что ты пишешь про Вольск, Саратов и дорогу при проезде туда, мне было весьма любопытно читать. Радуюсь, что немецкие колонии найдены тобой в столь отличном виде и духе. Раскольничьи дела по Саратовской губернии почти то же возбуждают рассуждение, что и по Пермской губернии, но, может быть, важнее в том смысле, что Иргизские монастыри всегда почитались центром или сердцем раскола; уничтожение их было необходимо, и в одном исполнении <мер> последовали неимоверные глупости. Гораздо опаснее то, что делается на Урале, я имею донесения от Перовского; надеюсь, что принятые им меры остановят зло в самом его начале, но тут не одна нужна строгость, надо дело делать ловко

---

* Знаменское (Знаменка) — летняя резиденция императора на берегу Финского залива близ Петергофа; впоследствии резиденция вел. кн. Николая Николаевича.

и не возбуждать бунта, на что буйные их головы всегда были готовы. Я приказал прежде Перовскому выкомандировать сколько можно более полков на внешнюю службу, с тем чтобы число вооруженных людей уменьшить. Потом решительно приступить к главным виновникам зла, которые заслоняются дураками, которые, как и всегда и везде, вперед выставляются. Туда едет Белосельский, чтобы быть всему очевидцем, и мне лично привезет известия. Погода у нас все холодная, хотя и лучше прошлых дней; говорят, что везде тоже. Сегодня утром делал я ученье всему учебному отряду и был очень доволен, хотя в первый раз они вместе учились. Потом был обычный им обед. Завтра Мама собирается в город, а я в Кронштадт смотреть флот, а после <смотра> флоту — дамским смотр.

Теперь мы знаем, что в Вознесенск будут эрц-герцог Иоанн и прусский п/ринц/ Август, и до 30 генералов и офицеров австрийских, прусских и шведских. Вот тебе и все наши новости.

Почтенному А. А. Кавелину и всем твоим спутникам мой искренний поклон. Письма Кавелина мне крайне приятны. Журнал Адлерберга очень хорош. Чем занят Паткуль? Прощай, милый Саша; целую тебя от души, Бог с тобой.

*Твой верный старый друг папа.
Н.*

№ 15

Александрия. 8-го июля 1837 г.

Получено 11-го июля 1837 г.
на дороге из Тулы в Калугу в Алексине

Вчера утром получили мы письмо твое, любезный Саша, из Тамбова, и благодарим Бога, что дозволил <...> благополучно продолжаться твоему путешествию. Благодарю тебя за все подробности твоего пребывания и о всем тобой виденном. Тамбовское дворянское училище тебе служит примером всех неудобств заведений, которые, т/ак/ с/казать/, ни то ни се, то есть ни военные ни гражданские, и без всякого твердого основания. Хорошо, что удалось убедить дворянство согласиться на присоединение оного с Воронежским кадетским корпусом, тогда можно ожидать толка и порядка. В Туле найдешь корпус хотя не лучше, но также во все не таким, каким бы ему следовало быть для пользы общей. Молоканы тоже дурная <ноша>, с которой тоже постоянные

строгие правила необходимы, как и для других. Но они не столь дерзки, ибо чувствуют, что не правы.

С прискорбием должен я тебя уведомить о геройской кончине бедного твоего товарища толстого Долгорукова, он пал в десантном деле на берегах Абхазских, изумив всех своей неимоверной храбростью, вот собственные слова Вельяминова. Жаль его весьма и еще более жаль бедного отца! Но что делать, славно, кто так умирает.

Третьего дни под вечер прибыл к нам Михайло Павлович совершенно здоровый, бодрый и веселый, слава Богу, и дай-то Бог, чтоб здесь он не расстроился. Он и великая княгиня будут тоже в Вознесенск.

Мама была сегодня в городе, и оттого к тебе не пишет сама. Она тебя целует, равно как и я. Поклонись от меня Кавелину и всем твоим. Прощай, любезный милый Саша, Бог с тобой.

*Твой верный старый друг пана.
Н.*

Ежели в Москве 1-го августа бывает парад, то ты при нем быть должен верхом и войска потом проходить должны мимо тебя; в противном случае незачем изменять обыкновенного порядка.

№ 16

*Лагерь при Красном Селе. 11-го июля 1837 г.
Получено 17-го июля 1837 г. в Вязьме*

Благодарю тебя, милый Саша, за письмо твое из Воронежа, которое получил я, едучи с Мама у самых ворот в Александрии, радуюсь, что и пребыванием своим в Воронеже ты был доволен, молю Бога, чтоб до конца благословил твое странствование. По расчету моему, ты должен быть сегодня в Калуге; и <въезжая> <напомняться> <нам> славы России; да сохранит нас Бог от подобного времени, но ежели в Его неисповедимой воле определено тебе подобное же искушение, то знай, что может Россия на одного милосердого Бога свою надежду возлагать и под скипетром подобного царя, каков был тот, которого имя ты носишь*.

---

* Император Николай I вспоминает о событиях Отечественной войны 1812 г. и императоре Александре I.

Приехав вчера вечером сюда, Мама была у обычной большой зари*, и потом вечер провели мы вместе дома. Сегодня был церковный парад и развод в авангардном лагере. День был прекрасный, несмотря на довольно сильную проходящую грозу. Мы обедали на Дудергофе; а вечером была снова общая заря. Сегодня смотрел выстроенный для тебя прекрасный домик**. Точно делает честь вкусу <владельца>, точная игрушка. Завтра ученье в 6 часов 1-й дивизии, а вечером 2-ой. Мери осталась в Александре за чирием на ляжке, и хотя прорвался, но все так нельзя ей выезжать. Именинница была весела, хотя и одна с Адиной***. Костя в море до 25-го числа и должен был идти до Борегольма.

Благодари Кавелина за доброе его письмо и кланяйся всем твоим. Бог с тобой; целую тебя от всей души.

*Твой старый верный друг папа.
H.*

№ 17

Александрия близ Петергофа. 15-го июля 1837 г.

Получено 19-го июля в Брянске

Отвечаю сегодня на два твои письма, любезный Саша, из Тулы и из Калуги, которые оба получил на военном поле во время маневров. Раньше писать мне было по той же причине невозможно. Я счастлив тем, что досель милосердый Бог благословляет твою поездку и что Кавелин мне постоянно отзыается об тебе с похвалою; ты знаешь, что нужно моему счастию знать, что мои надежды на тебя не тщетны и что, глядя на тебя, могу с спокойным духом взирать на будущность, да подкрепит тебя милость Божия так продолжать.

Все наши занятия в Красном Селе кончились к моему совершенному удовольствию. Одно несчастное приключение меня, однако, крайне огорчило. Благодаря обычной ветренности Шильдера при опытах при нас смертельно ранен один из солдат,

* Обычная большая заря (зоря) — военный сигнал, подаваемый в строго определенное время утром и вечером в сухопутных войсках и на флоте (с конца XVII в.). Вечерняя заря сопровождалась торжественной церемонией (построение, перекличка, объявление приказов, пение молитв).

** Речь идет о летнем дворце цесаревича Александра Николаевича «Ферма» в Петергофе, в парке «Александрия».

*** Вел. кн. Александра Николаевна.

бывших зрителями, и ранен в палатке другой офицер. Чуть мы не все пострадали, и один Божий промысел нас спас, ибо все через нас перелетело и ранило стоявших за нами. Он за то сидел под арестом, и поделом.

Сегодня был большой маневр всего корпуса, и весьма удачный. С 19-го числа начинаются большие маневры и продолжаться будут по 24-е число. Я пришлю тебе программу. Рад, что ты доволен был полками 4-й дивизии, она всегда была хорошей. Скажи А. А., что я совершенно согласен, чтоб ты пробыл все время пребывания Мама в Москве с нею, и даже можешь к ней выехать сюрпризом на станцию на встречу. Так как мы все решились на обратном пути пробыть некоторое время в Москве, то где не успеем ныне остановиться на дороге в Вознесенск, то можем при возвращении далее остановиться. Я разумею Харьков, Чугуев и Полтаву.

За сим прощай, милый Саша, Бог с тобой. Поручения твои М. П.* я завтра исполню. Целую тебя от души. Всем твоим сделай мой сердечный поклон.

Твой старый друг пана.

H.

№ 18

Александрия, 23-го июля 1837 г.

Получено 25-го июля 1837 г. в Москве

Возвращаясь сегодня только с маневров, отвечаю, любезный Саша, на два твои письма из Смоленска и Калуги. Мне очень приятно было удостовериться, что ты с тем же любопытством и с теми же чувствами, которые от тебя ожидал, рассматривал места славных воспоминаний 1812 года. Смоленск мне всегда нравился особенною красотою местоположения и его древних стен и величественного собора, которому подобного и не знаю. Итак, сегодня ты ночуешь уже в Москве — твоей почтенной родине, и я за тебя чувствую, с каким ощущением ты, вступивши в Успенский собор, в нем молиться будешь! Ты вспомнишь, верно, что скоро или поздно ты тут дашь обет перед Богом блюсти Ему за Россию! и не ужаснись, ибо, прибегая к Нему, Он дает тебе силы и укрепляет дух твой, но на Него одного клади свою надежду.

---

* Вел. кн. Михаил Павлович.

Наши маневры кончились весьма хорошо, все шло примерно хорошо, и я не помню никогда любопытнее маневров. Сегодня близ Дятлиц было настояще сражение на большом пространстве, но при крепкой позиции; вид был бесподобный. Генерал/ Ушаков и наш — Да! — действовали славно; Кнорринг и Блом посредственно. При/лагаю/ тебе и программу маневров. Потом мы обедали в Гостилицах и с Мама вернулись сюда. Погода была все время прелестная, нежаркая, кроме 21-го числа. Вчера в Ропше был обычный бал, который кончился в 11 часов, а в три утра уже мы были на ногах. Теперь отдохну здесь и навожусь с кадетами. В четверг смотр; а на другой день будем в город, в субботу же с благословением Божиим пустимся в путь в разные стороны. В Варшаву, вероятно, не буду, ибо князь* распустил корпус за усилением холеры. и я проеду через Вильну в Бобруйск, в Киев, почти в то же число. Скажи Кавелину, что о твоем маршруте после Вознесенска поговорим с ним там, ибо успеем приготовить, что нужно, в то время как ты будешь с нами. Ему и всем твоим мой поклон. Прощай, милый Саша, Бог с тобой.

*Твой верный старый друг папа.
Н.*

№ 19

*Александрия. 28-го июля 1837 г.
Получено 30-го июля 1837 г. в Москве*

Вчера утром получил я письмо твое из Москвы, милый Саша, и благодарю милосердого Бога, что ты успел благополучно совершить большую часть своего путешествия. Пишу тебе сегодня в <...> моего близкого отъезда и не знаю, когда мне можно будет тебе снова писать. Скажи А. А., чтоб фельдъегерей <новых> ко мне направлял сперва к Мама по ее маршруту; от нее же, приняв письма, будут направлены Волконским ко мне. Холера в Варшаве прибавляется, и кажется, что, наверно, я туда опять не попаду, что мне очень неприятно, зато буду в Вильне и Бобруйске.

Ты можешь выехать к Мама навстречу в Черную Грязь, где она будет обедать в последний день, ты ее хорошенъко береги, в осо-

---

* Имеется в виду И. Ф. Паскевич, наместник Царства Польского.

бенности в народе и, помогай под мышку, когда прикладываться будете в Успенском. Не давай ей ходить по высоким лестницам, но вели всегда носить. На балах уговаривай не много танцевать и пуще всего не долго оставаться в ночь.

Завтра она едет прямо водой в город, а я в ночь в лагерь для завтрашнего смотра, а потом обедать на Елагин. Потом, в пятницу, спуск корабля и потом вместе будем в Казанский*. Вечером переедем в Царское Село, а в субботу утром, с Богом, в путь. Стало, ежели Бог поможет, в Вознесенске тебя обниму через месяц с радостью и душевным удовольствием, ибо я тобой могу быть доволен. Продолжай так для нашего общего счастья. Прощай, старый московский калач, мой Мурфич, от души тебя целую.

Твой верный старый друг Папа.

H.

А. А. и всем нашим, равно князем Д. и С. Голицыным, С. И. Муханову и П. А. Толстому, мой поклон.

№ 20

Царское Село. 30-го июля 1837 г.

Получено 3-го августа на ст/анции/ Солнечная Гора
из рук самой императрицы

На Аптекарском острову, выезжая из Елагина, сегодня после обеда получили мы письма твои, любезный Саша, от 28-го числа. Ответ мой вручит тебе Мама; потому и не стану много тебе писать; завтра с помощью Божией пускаемся в путь. Вчера был у нас смотр весьма удачный, в особенности был я доволен кавалерией и артиллерией, пехота прошла хорошо, но было бы еще удачнее, ежели б ветром не заглушало совершенно музыку. Сегодня утром был парадный спуск корабля «Волы» в 4 часа в новом адмиралтействе. Отобедав и немного отдохнув, пустились мы в путь. Меня очень радует, что ты доволен всем, что в Москве видишь; любопытно знать, как найдешь войска и в особенности 6-ю Легкую дивизию. Крутицкий монастырь давно до меня уничтожен, восстановить церковь будет и легко и прилично; но многое, что пропало, происходит от разорения в 1812-м году; и не стало бы способов все

---

* Имеется в виду Казанский собор в Санкт-Петербурге.

привесть в первобытное состояние, даже в Кремле многие церкви и ныне в жалком положении, и хотели их уничтожить, чему, однако, я воспротивился и велел их постепенно исправлять и устраивать. В Оружейной палате много вздору и многое, даже корона Мономахова, не под настоящим значением. Трудно, однако, <гнать> предрассудки, которые сохранились в общем убеждении и походят на святыни, потрясать, и то в такой век, где и незыблемое потрясается. Наводить сомнения вообще опасно.

Обними за меня Мама и береги ее. Бог с тобой, милый Саша, с помощью Божией, до скорого свидания.

Прощай, твой верный старый друг папа.

H.

А. А. и всем твоим мой искренний поклон.

№ 21

Ковно. 7-го августа 1837 г.

Получено 12-го августа 1837 г. в Нижнем Новгороде

Два слова только, милый Саша, в ответ на твое последнее письмо из Москвы. Радуюсь, что ты имел счастье принять Мама и нашел ее здоровою. Здесь всем я очень доволен и нашел корпус в отличном состоянии, в особенности кавалерия сделала большие успехи. Послезавтра <начнем> маневры на два корпуса. Полагаю ехать в Вильну ночевать и, пробыв там сутки, следовать на Бобруйск в Киев. Радуюсь за тебя, что на днях последуешь Нижним; вспомни меня, когда будешь на месте, где строится дом военного губернатора, и напиши мне, как идут вообще все работы по городу. Поклонись А. А. и всем твоим.

Бог с тобой, не забывай старого друга папа.

H.

№ 22

Вознесенск. 20-го августа 1837 г.

Получено 22-го августа 1837 г.
на перепутье из Белгорода в Харьков

Милый Саша, два слова только тебе с моим спасибо за два твои письма из Москвы и из Нижнего. Я уверен был, что ты будешь

поражен величественной красотой Нижнего. Подвиг дворянства прекрасный и меня сердечно радует.

Здесь все так хорошо, так прекрасно, что все превзошло мое ожидание, но скоро сам увидишь. Так как ты обратно ехать будешь через те же места, то скажи Кавелину, что я дозволяю, кроме ночлегов, тебе нигде не останавливаясь, прямо ехать сюда, оставя даже свиту, кроме Енохина, назади. Писать мне далее недосуг. Обнимаю тебя от души и твоим всем кланяюсь. Прощай, Бог с тобой, до скорого свидания.

*Твой старый верный друг пана.
Н.*

№ 23

Эривань. 5-го октября 1837 г.

Получено 13-го октября 1837 г. в Чугуеве

Благодарю тебя, любезный Саша, за добное письмо из Алупки с сухопутным фельдъегерем, другое и доныне не получал еще. Слава Богу, что ты добрую Мама застал и обнял здоровой, надеюсь на милость Божию, что возвратит ее восвояси тоже благополучно. Благодарение Богу, мы сюда добрали весьма хорошо. Почти везде я был доволен, *<за что>* весьма доволен и редко бранил. Меня везде принимают с радостью, и край прелюбопытный. Начинают к нам привыкать, сами жители меня конвоируют, и с радостью, и сегодня целый полк Кенгерли, по-русски командуемый и щегольски одетый одинаково в белом, вышел мне навстречу, ничего красивее видеть нельзя. Войска почти везде порядочные, есть хорошие, есть отличные (Грузинск/ие/ <...>), есть и поганые (Грузин/ская/ лег/кая/ б/атарея/). Крепость Гулери, ныне Александрополь удивительно успешно строится и прелесть, точная игрушка, невероятно хороша, жаль *<хотя>*, что здесь Ахалцих и в особенности Эривань сухи, *<полнейшая>* дрянь.

Вчера принимал Эрзрумского сераскира, завтра Персидского наследника 7 лет*; и потом с помощью Божией пущусь домой¹.

---

* 6 октября 1837 г. император принимал персидское посольство, в котором находился и персидский принц Вилиант, присланный шахом с поздравлением императору Николаю I (ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 35. Л. 156: Описание путешествия императора Николая I по России в апреле-октябре 1837 г.).

В твоем маршруте, скажи А. А., надо будет сделать перемену, ибо я полагаю прибыть не позже 21 числа в Черкасы; поэтому ты из Полтавы ехать должен по остальному маршруту, выпуская Харьков и Чугуев, и ждать меня на последней станции, объехав Черкас, итак, ежели Бог поможет, через 16 дней мы увидимся.

Поклонись от меня А. А. и всем твоим. Обнимаю тебя от всей души.

Твой верный старый пана.

H.

